

законодательства) — мы полагаем необоснованным представленный выше законодательный прием. Поясним наше суждение.

Безусловно, донация крови (ее компонентов), как и изъятие органов и тканей у потерпевшего, сопряжена с угрозой причинения здоровью последнего существенного вреда, в связи с чем может влиять на повышение степени общественной опасности того преступного посягательства, которое совершается для достижения цели такого рода донации. Неслучайно круг лиц, которые могут быть донорами крови (ее компонентов), ограничен на законодательном уровне: согласно ст. 19 Закона Республики Беларусь «О донорстве крови и ее компонентов», к выполнению донорской функции допускаются лица в возрасте от 18 до 60 лет, обладающие полной дееспособностью, прошедшие медицинский осмотр и не страдающие заболеваниями либо не находящиеся в состояниях, при которых сдача крови и ее компонентов противопоказана. Вместе с тем правовое определение органов и тканей человека в качестве анатомических образований, в числе которых названы и комбинации клеток (ст. 1 Закона Республики «О трансплантации органов и тканей человека»), дает основание сделать вывод о правомерности распространения качества данного биоматериала и на кровь человека. Более того, в медицине кровь традиционно признается жидкой тканью человека; такое же понимание крови характерно и для русского языка [2, с. 308].

Заключение. На основании сказанного видится целесообразным исключить из законодательного определения рассматриваемого квалифицирующего признака указание на цель последующего использования изъятых органов и тканей потерпевшего — трансплантацию данных биоматериалов. Как представляется, сама по себе цель последующего использования незаконно изъятых органов и тканей человека не влияет на степень общественной опасности соответствующего деяния. Кроме того, реализация подобного подхода будет способствовать и предупреждению возможных проблем правоприменения (прежде всего проблемы ограниченности норм, предусматривающих повышенную ответственность за совершение того или иного деяния в целях незаконного изъятия органов или тканей человека).

Список источников

1. О трансплантации органов и тканей человека [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 4 марта 1997 г. № 28-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 01.01.2015 г. № 232-3 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 11.01.2015, 2/2230.
2. *Ожегов, С. И.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. — 4-е изд., доп. — М. : А ТЕМП, 2009. — 944 с.

УДК 343

М. Б. Кострова,

кандидат юридических наук, доцент

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Башкирский государственный университет», Уфа, Республика Башкортостан, Российская Федерация

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА: РОССИЙСКИЙ И БЕЛОРУССКИЙ ОПЫТ

Введение. Противоправное лишение жизни другого человека издавна считается тягчайшим и опаснейшим преступлением против человека. Жизнь — важнейшее, неотчуждаемое благо и право любого человека, все иные права человека значимы для него, других людей, общества и государства только тогда, когда существует жизнь. Это общеизвестное аксиоматическое положение признается как международным сообществом государств, так и отдельными государствами. Вместе с тем каждое государство как суверенный субъект международного права свободно в выборе подходов к уголовно-правовой охране жизни человека, что проявляется в особенностях перечней преступлений против жизни человека, их законодательного описания, установления наказаний за них в национальных уголовных законах. В связи с этим актуальным направлением современного сравнительного уголовного права является изучение зарубежного опыта, оценка на его основе национального законодательства, что, в частности, позволяет выявить наиболее оптимальные модели уголовно-правовой охраны жизни человека и определить направления возможной рецепции норм иностранного уголовного права и (или) заложенных в нем правовых идей. В настоящей публикации обратимся к российскому и белорусскому опыту, выбор которого обусловлен, помимо изложенных выше соображений, тем, что Российская Федерация и Республика Беларусь являются участниками союзного государства и Таможенного союза в рамках Евразийского экономического сообщества, что вызывает необходимость гармонизации и унификации национальных законодательств государств-участников в сфере борьбы с преступностью и проведение на этой основе согласованной уголовной политики.

Основная часть. Не имея возможности в рамках настоящей публикации осветить в полном объеме модели уголовно-правовой охраны жизни человека, отраженные в УК РФ 1996 года и в УК Республики Беларусь 1999 года, остановимся лишь на их отдельных чертах, акцентируя при этом внимание на основных различиях. Они, по нашему представлению, наиболее отчетливо проявляются в следующем.

1. Жизнь человека в структурно-композиционной иерархии объектов уголовно-правовой охраны.

Объявив в Общей части, что первой задачей УК РФ является «охрана прав и свобод человека и гражданина от преступных посягательств...» (ч. 1 ст. 2), российский законодатель и в Особенной части вынес на первое место соответствующий этой задаче раздел VII «Преступления против личности», в котором объектами уголовно-правовой охраны последовательно выступают неотъемлемые, естественные права и свободы человека, а также обширный комплекс прав гражданина, при этом первое место среди них занимают жизнь и здоровье (глава 16). Приведенные положения УК РФ сразу же после его принятия стали подвергаться научной критике, наряду с этим в российской уголовно-правовой литературе обсуждается практический вопрос о целесообразности изменения существующей структурно-композиционной иерархии объектов уголовно-правовой охраны в действующем УК РФ при дальнейшем его совершенствовании (С. Ф. Милуков, П. Н. Панченко, Н. Г. Иванов и др.). Так, Н. Ф. Кузнецова к первой из долгосрочных (свыше 15 лет) законопроектных работ относила изменение системы Особенной части УК РФ, в которой, по ее мнению, на первое место надлежит поставить раздел о международных преступлениях, состоящий из двух глав: первая — «Преступления против мира и безопасности человечества», вторая — «Преступления международного характера». В обоснование своей позиции она приводила следующие доводы: «Российская систематизация, при которой раздел о преступлениях против мира и безопасности человечества оказался замыкающим, не согласуется со ст. 15 Конституции РФ о приоритете международного права. На второе место следует поместить раздел (не главу) о преступлениях против государственной (национальной безопасности). Псевдodemократические воззрения на российское государство как на монстра тоталитаризма, воинствующая антигосударственность повлияли и на решение вопроса о месте данного раздела в конце УК. Между тем очевидно, что безопасность личности и общества может обеспечить только сильное государство. Третье место надо отдать разделу о преступлениях против человека и гражданина» [1, с. 70—71].

С учетом событий международного характера последних лет есть смысл прислушаться к словам этого выдающегося ученого, в связи с чем заслуживающим внимания представляется белорусский опыт — в расстановке приоритетов уголовно-правовой охраны в УК Республики Беларусь наблюдается иной подход: в качестве его первой задачи указана охрана мира и безопасности человечества, а охрана человека, его прав и свобод стоит во втором месте (ст. 2), соответственно расставлены ценностно-нормативные приоритеты при конструировании иерархии объектов уголовно-правовой охраны и в Особенной части, которая открывается разделом VI «Преступления против мира, безопасности человечества и военные преступления».

2. Человек или личность?

В обоих кодексах выделены главы о преступлениях против жизни и здоровья (глава 16 в УК РФ и глава 19 в УК Республики Беларусь), но при этом разделы VII, в которые они входят, имеют разные заголовки: «Преступления против личности» — в УК РФ; «Преступления против человека» — в УК Республики Беларусь. В этой части языковое выражение родового объекта преступления в УК Республики Беларусь представляется в большей степени отвечающим требованию точности, поскольку жизнь человека (равно как и здоровье, а также иные естественные права человека) подлежит уголовно-правовой охране с момента рождения и независимо от того, обрел ли человек в процессе социализации свойства личности.

3. Конструирование системы преступлений против жизни человека и их описание в уголовном законе.

Системы преступлений против жизни человека в УК РФ и в УК Республики Беларусь хотя и имеют некоторые различия, но в целом сконструированы достаточно единообразно, включая основной, квалифицированный и привилегированный составы убийства, а также составы причинения смерти по неосторожности и доведения до самоубийства. Вместе с тем в описании ряда составов преступлений УК Республики Беларусь имеет, по нашему представлению, несомненное преимущество. В частности, состав убийства матерью новорожденного ребенка в ст. 106 УК РФ описан столь неудачно, что факт убийства никак не связывается с обязательной обусловленностью его совершения под влиянием психофизиологических процессов, происходящих в организме женщины во время родов и в послеродовой период. Альтернативность указанных в ст. 106 УК РФ признаков данного привилегированного состава убийства («во время родов», «сразу же после родов», «в условиях психотравмирующей ситуации») означает, что для признания общественно опасного деяния преступлением достаточно одного из них, а это, в свою очередь, не позволяет в полной мере дифференцировать ответственность за убийство в зависимости от степени его общественной опасности и индивидуализировать наказание матери-убийце. В УК Республики Беларусь подобный состав преступления описан по-иному — «Убийство матерью своего ребенка во время родов или непосредственно после них, совершенное в условиях психотравмирующей ситуации, вызванной родами» (ст. 140), что, как думается, в полной мере отражает ситуативный тип преступника и объясняет существенное смягчение наказания ему.

4. Формальная определенность нормативных предписаний об ответственности за посягательства на жизнь человека.

Эффективность уголовного закона, как уже давно доказано, зависит в том числе от точности и ясности языкового выражения его норм и нормативных предписаний; противоположные свойства языка уголовного закона, соответственно, порождают нестабильность и противоречивость судебной и иной правоприме-

нительной практики, затрудняют реализацию отраслевых функций, совокупность которых определяет функциональное предназначение уголовного права — противодействие преступности. В качестве примера можно указать на использование в УК РФ множества терминов, не обладающих такими необходимыми признаками, как наличие строго фиксированного содержания и легальной дефиниции, что вынуждает правоприменителя искать авторитетные ориентиры в их определении. Так, содержание целого ряда квалифицирующих признаков состава убийства разъяснено не в тексте УК РФ, а в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 года № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)». В свою очередь УК Республики Беларусь, который в целом является гораздо более «дефинированным», чем УК РФ, включает ст. 4 «Разъяснение отдельных терминов Уголовного кодекса», в котором «для целей единообразного и точного применения терминов, используемых в настоящем Кодексе», даны определения терминов «близкие», «малолетний», «корыстные побуждения», «хулиганские побуждения», «общоопасный способ», «заведомо». Нормативные дефиниции этих терминов необходимы и в УК РФ для перехода от «латентного» нормотворчества Пленума Верховного Суда РФ к легальному дефинированию.

Заключение. В УК Республики Беларусь обнаруживается ряд удачных законотворческих решений в сфере уголовно-правовой охраны жизни человека, в связи, с чем белорусский опыт в обозначенной части заслуживает пристального внимания российского законодателя.

Список источников

1. Кузнецова, Н. Ф. Перспективы совершенствования УК РФ / Н. Ф. Кузнецова // Государство и право на рубеже веков. Криминология. Уголовное право. Судебное право : материалы Всерос. конф. — М. : Ин-т государства и права РАН, 2001. — С. 66—72.

УДК 343.9.018.3

Д. А. Лазаревич

Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», Брест

ВИКТИМНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПОТЕРПЕВШЕГО КАК УСЛОВИЕ СОВЕРШЕНИЯ КРАЖ ИЗ АВТОМОБИЛЕЙ

Введение. За последние десятилетия в Республике Беларусь существенно возросло количество автомобилей, находящихся в личном пользовании граждан, соответственно выросло количество краж имущества из автомобилей. Зачастую причинами и условиями совершения данных краж становится самонадеянное отношение владельцев к сохранности своих транспортных средств и находящегося в них имущества. Нередко лицо, которое не имело заранее обдуманного умысла на кражу имущества, увидев в салоне автомобиля легкодоступную ценную вещь, благодаря беспечности и невнимательности хозяина совершает её кражу. Данную проблему необходимо рассмотреть с точки зрения виктимологии — науки о жертве.

Основная часть. Виктимность можно определять по аналогии с понятием «преступность»: если преступность — это состояние, факт или свойство быть преступником, то виктимность — это состояние, факт или свойство быть жертвой. В криминальной виктимологии под виктимностью понимается особое свойство пострадавшего от преступления лица, состоящее в его предрасположенности стать при определённых обстоятельствах жертвой преступления.

В криминологии выделяются три вида виктимного поведения: неосторожное, рискованное или объективно опасное для потерпевшего. Множество преступлений происходит в результате виктимного поведения самих потерпевших, они вызваны особенностями их психического или физического состояния, неадекватными действиями, провоцирующим поведением, небрежным или легкомысленным отношением к своей или чужой личности, имуществу. Типы виктимного поведения: 1) активное — поведение жертвы, которое и спровоцировало преступление; 2) интенсивное — совершение жертвой положительных действий, которые тем не менее привели к преступлению; 3) пассивное — бездействие, когда жертва не препятствовала преступлению.

Применительно к исследуемой проблеме виктимность следует понимать как поведение человека, которое создает благоприятные условия для совершения в отношении него преступления — кражи имущества из автомобиля.

В первую очередь, давая виктимологическую характеристику данного вида краж, следует сказать, что для её совершения достаточно часто необходимо одновременное совпадение нескольких групп условий. К примеру, автомобиль стоит в безлюдном месте, что уже подталкивает лицо на совершение достаточно легкого преступления. Он еще замечает и отсутствие сигнализации в автомобиле, что лишь укрепляет его убеждение в отсутствии каких-либо препятствий для совершения данного преступления и последующей безнаказанности после его совершения, несмотря даже на возможную имущественную нецелесообразность кражи.